

нищам. При малейшем движении неприятеля выпускали голубя, и предупреденные мусульмане принимали все меры. Это была прекрасная мысль Нуреддина и самая полезная; да будет к нему милостив Аллах!

Равным образом он построил во многих своих провинциях кельи и монастыри для софи (мудрецов). Он назначал для содержания этих духовных лиц значительные земли и большие доходы. Беседовать с главой таких отшельников составляло для него великое удовольствие; он призывал их к себе, радушно принимал и почтительно обращался с ними; заметив софи издалека, он вставал перед ним, обнимал его и сажал рядом с собой на диване. Такое же уважение он оказывал закоповедам, уламам, имея высокое понятие о их достоинстве и питая к ним великое почтение. Иногда он собирал их около себя, и тогда беседа вращалась около предметов религиозных. Потому благочестивые люди и набожные стекались к нему из самых отдаленных стран; приходили из Хоразана и других мест. Одним словом, Нуреддин читл и высоко ставил людей благочестивых, так что эмирами овладевала зависть, и они часто жаловались Нуреддину и старались очернить духовных в его глазах. Все это весьма огорчало его, если приходили к нему и обнаруживали какой-нибудь порок софи, то он отвечал: «Но кто же безгрешен? Безгрешны только те, которые кончили свои дни».

Я слышал, что когда-то один из эмиров отзывался оскорбительно об имаме Котбеддине; Нуреддин рассердился и сказал: «Допустим, что ты говоришь правду, но этот имам имеет чем вознаградить за пороки, в которых ты его обвиняешь, и за многие другие, а именно, своими познаниями и своим благочестием; а ты и тебе подобные, вы имеете вдвое больше пороков, нежели сколько вы приписываете имаму, и притом не имаете ничего, чем бы можно было вас извинить. Если у тебя есть сколько-нибудь здравого смысла, обрати внимание лучше на свои слабости, чем на недостатки других. Вот еще! Я перепощу ваши глупости, не вознаграждаемые никакой доброй стороной, и я не должен терпеть недостатков в имаме, допустив даже, что они не выдуманы,

если они искупаются столь многими достоинствами. Но дело вот в чем: Аллах свидетель, и я не верю ни одному слову из того, что ты сказал, и постарайся не говорить более подобным образом, или я строга тебя покажу».

Нуреддин построил в Дамаске школу, где обучали науке *преданий* (устному учению Магомета), и приписал ей значительное имущество для содержания учителей и учеников. Сколько мне известно, он был первым, устроившим учреждение подобного рода. Он основал в своем государстве школы для сирот и дал средства к существованию учителям и ученикам. Во многих выстроенных им мечетях он учредил вклады для тех, которые обязаны были там читать Алкоран, и обеспечил сирот, на которых возлагалась такая обязанность. И это было устроено в первый раз.

Нуреддин был от природы важен и имел осанку, внушавшую уважение. Он был, как говорят, строг без суровости и добр без слабости. Одним словом, он соединял в себе то, чего мы не видим в других, и был уважаем одинаково всеми. Например, ни один эмир не осмеливался сесть в его присутствии, если он не дал на то приказания. Не было делано ни для кого исключений, кроме Эйюба, отца Саладина. И при всем том, несмотря на свое величие, едва лишь он замечал законника, софи или факира, как вставал со своего места, чтобы сделать ему честь; он выбегал к нему навстречу, садил его рядом с собой и вообще обходился так, как того не видал никто из его собственного семейства. Если ему случалось осматривать милостями человека подобного рода, он говорил: «О эти люди имеют все право на расположение правителя; если они требуют у нас чего-нибудь, то они того достойны».

Учреждаемые им празднества и собрания имели тот же характер, как и у нашего пророка Магомета, то есть они соединяли в себе деликатное обращение с крайней сдержанностью. Женщины¹ были безуслов-

¹ Слово «женщина» обозначает также вообще всякий предмет, запрещенный религией, ибо у мусульман слова «женщина» и «запрещенный предмет» могут употребляться одно вместо другого. — Рено.